

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
103009, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-83

Вырезка из газеты
КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

23 АВГ 1987

г. Москва

«Дорогая «Комсомолка»! Почему мы вынуждены говорить о «драме милосердия»? Милосердие — готовность помочь. Из сострадания и человеколюбия. Я так понимаю. Но ведь как раз этой самой готовности сегодня нельзя сказать, чтоб было чересчур много. Особенно, что касается нашей будничной жизни. Но почему, почему? На широкой экран вышел фильм «Как стать звездой». Ну что ж. Неплохо получить рецензент, как внезапно прославиться. А кто научит, как стать милосердным? Кто?»

Автор не оставил адреса, не указал своего имени. Но письмо, несомненно, нуждалось в ответе.

Первым из тех, с кем мы встретились, был режиссер и кинодраматург Сергей Бодров.

Его недавняя работа «Непрофессионалы» («Казахфильм») на XX Всесоюзном кинофестивале в Тбилиси получила специальный приз жюри художественных фильмов «За нравственный и стилистический поиск».

БОДРОВ собирался снять другую картину. О юнцах, неоперившихся душах, которых то в одну сторону заносит, то в другую. Но случайно попал в Казахстане в Дом престарелых. Первый раз в жизни. В детстве недалеко от него был Дом престарелых. Но помнит Бодров только забор. За забором ходили старые люди. Тихонькие такие. Потихоньку жили и умирали, ни к кому не взывая, никоим не дрогая. Тогда в детстве и в голову не приходило поинтересоваться ими. А вот переступил порог этого дома, и заболело сердце...

— Фильм начинается с того, что маленький обшарпанный автобус возит по степи юных музыкантов-непрофессионалов с шефскими концертами. А голос за кадром нам объясняет, что шефские концерты отличаются от обычных тем, что, во-первых, они не за «бабки», а во-вторых, никому не нужны. Мне кажется, весь фильм тому и посвящен — кто кому нужен и не нужен, кто кому нужно и не нужно.

— Да, мотаются по степи ребята с никому не нужным концертом. Поют песни, которые не любят. Единственное место, где их ждут, — Дом престарелых. Но им он кажется таким ненужным, что даже смешно.

— Фильм похож на документальный. «Обитаемые» — так называют здесь стариков — живут в более чем сиромном здании, едят нашу из алюминиевых мисок, истории их жизни просты, незатейливы, и ничего вроде бы не происходит. В иных фильмах все было куда пышнее, красивее.

— Съемки происходили в настоящем Доме престарелых.

— Мне понравился фильм. Но я слышала и такое мнение: конъюнктура. Берясь за эту тему, автор знает: пройдет наверняка, кто станет возражать против того, что старость надо уважать?

— Два года фильм лежал на полке. Когда его просматривали первый раз, сказали: чернуха! Спрячь и никому не показывай.

— Вы посчитали себя непонятым?

— Да что ж тут непонятного? Я увидел в Доме престарелых жизнь, которую не знал прежде. Старики должны жить и умирать дома. Мне казалось, что все так очевидно. И я всячески старался именно про это говорить.

...При них привезли новенькую. Ей было 84 года. Она никак не могла прижиться. Плакала, не прикасалась к еде, все писала и писала письма к сыну.

Бодров с актрисой Валентиной Талызиной, исполнительницей главной роли, поехали к сыну той новенькой.

Сын, уже давно не мальчик, испытывал при них страшную неловкость. Его жена, немолодая женщина, много плакала и все рассказывала и рассказывала, как лет сорок назад ее свекровь была не очень-то довольна выбором сына, и вот она, невестка, не в силах забыть ту обиду и не хочет досматривать эту старую, так и не ставшую родной, женщину. Бодров и Талызина пытались убедить ее, что нельзя так долго таить зло, надо простить, в ответ им пообещали забрать старушку, но Бодров не уверен, что вот так просто все могло разрешиться, и что если и забрали, то через месяц не сдали старую мать опять. Его поразила обычность этих людей, вовсе не злодеев, и обычность мотивов, которыми они руководствовались, увозя мать навсегда из родного угла. Это страшно, когда обычным становится то, что никак не может, не должно быть обычным.

— Как все просто, оказывается, бывает. В фильме женщина рассказывает, что ее дочь с мужем купили новую мебель, а квартира маленькая, двухкомнатная, и вот ей, матери, не нашлось более места в квартире, и она сама «сдалась» в Дом престарелых, а дети не удерживали.

— Кровать, на которой спала старая мать, не вписывается в новый гарнитур, и потому... Нет, я до сих пор ничего понять не могу. Дикость какая-то.

— Понимаю, не в названии дело, но как странно звучит: Дом престарелых. В жизни ведь так не говорят: престарелые. Назенное, холодное слово. Может: деддом?

— Лучше бы их вовсе не было — этих казенных, нет, не слов — домов. Есть страны, где даже сумасшедших разбирают по частным домам. В Чехословакии и Венгрии, как известно, по семьям расходятся дети без родителей. Отчего, когда мы решили, что государство — это не мы?

— Дети сдают своих родителей государству. Но не абстрактное государство их принимает, а руки чьи-то конкретные. Что же мы знаем о людях, работающих в деддомах?

— Почти ничего. С кадрами там плохо. Зарплата не

Нам показалось, что на трудные вопросы, поставленные в письме, Сергей Бодров ищет свои собственные ответы в фильмах и в жизни.

Сегодня нас не может не тревожить духовная инертность молодых людей. Но отчего человек вдруг становится духовно глух, слеп?

Когда мы говорим, что душа человека должна быть исполнена стремления к добру, мы, разумеется, под добром понимаем что-то очень конкретное, реальное, и потому так важно тут не просто рассуждать о добре как некой абстракции, а показывать пути и риты, к добру приводящие. Но у нас пока, увы, «хроники войн, драм и драк» больше, чем «хроники света».

Открывая сегодня новую рубрику «На то мы и люди», нам хотелось бы, чтобы читатель заметил ее не только глазами, но и сердцем.

Отдел морали и права «Комсомольской правды».

ИДУ К СЕРДЦУ

ПРЕМЬЕРА РУБРИКИ:
НА ТО МЫ И ЛЮДИ

ахти, а работа тяжелая. Очень тяжелая работа, настаивающая на душевной щедрости.

Я полтора месяца провел в деддоме (воспользуюсь вашей терминологией). И сердце как заболело, едва я переступил его порог, так все время и болело, болело. А как годы, десятилетия люди несут этот груз? К тому же условия, в которых они работают, райскими не назовешь. И жизнь, и быт, как правило, далеки от нормальных. Деддом, где мы снимали кино, прежде возглавлял директор, который был нечист на руку, но ловок и хваток, его сняли, пришел другой человек, очень честный, по-моему, но крайне беспомощный в хозяйственной деятельности. Нужно доставать мясо, дрова, а ремонт, к примеру? И — будем честны! — кто такой в районе директор Дома престарелых? Фигура? Уважаемый человек? Местные власти с ног сбиваются, не зная, как ему угодить? Чаще всего он просител. Которому вроде бы обязаны все дать, а, впрочем, ничего не будет, если и откажут.

— Но почему так? Почему мы начали терять, не замечая потерь?

— «Частная» нравственность действительно зависит от общественной. Фальшь, лицемерие, двойная бухгалтерия не могли не ударить рикошетом по нравственным ценностям отдельной взятой личности. В какой-то период для нас провозглашение лозунгов стало важнее провозглашения человека. Теперь расплачиваемся. Нашему народу было всегда свойственно обогреть холодного, накормить голодного, утешить скорбящего. Это же не может вдруг исчезнуть. И сегодня у нас полно замечательных людей. Но что-то действительно случилось с совестью, с сердцем. Я помню из детства, как много еще в пятидесятых годах было нищих, инвалидов на колясочках. Они ходили по вагонам. И люди помогали. А сейчас, мне кажется, меньше стали подавать. Звона монет почти не слышно. Еще встречаются старушки, просящие милостыню. Но ча-

ще и злее стали разговоры о миллионерах-старичках, сколотивших себе состояние вот так, попрошайничая. Ерунда, по-моему, полная! Однако же ей верят охотно, рьяно. Наверняка и раньше были среди тех инвалидов жулики. И простодушные им верили. Но лучше быть один раз обманутым, чем не подать страждущим. Да, было бы наивно надеяться, что когда что-то случается в общественной нравственности, это никак не отразится на нравственности чьей-то личной.

Наверное, можно самому учиться доброте. Да, наверное. Но вообще-то доброте надо учить. А мы слабо учим... Так уж вдруг стало заведено у нас в жизни, что учим мало и дома, и в школе.

— Что же мы можем сделать сегодня — ведь необходимо именно действовать?

— Даже малое может кого-то спасти. Не каждому под силу взять ребенка из детдома и не от каждого мы вправе этого требовать. Но не нахамить старому, беззащитному человеку в очереди, заступиться за него — что, трудно?.. Это так элементарно! У меня нет рецептов, что именно должна молодежь, например, делать. Но она явно должна и в помощи, и в участии. Молодежи необходимы упражнения в добре, как музыканту гаммы. Азы «людиской азбуки» когда же проходить, как не в детстве, как не в юности? Потом уже может стать поздно.

Так вот, можно доброте учить — можно не учить. Мы чаще склоняемся к последнему. Чему ж потом удивляться?

Я только что вернулся из Каширской спецшколы. Познакомился там с Сашей Григорьевым. А прежде я читал его «дело». Там было написано, что Саша лжив, груб, оскорбляет учителей непензурной бранью, склонен к воровству, бродяжничеству, его поведение не поддается коррекции. И все это о 10-летнем мальчишке. Не пожалели взрослые тети и дяди бумаги и перьев, чтобы нарисовать Сашин портрет в самых черных красках. При этом судите са-

ми, насколько постарались ответственные товарищи вникнуть в Сашину жизнь, ежели напротив графы «Причины отклонения поведения от нормы» написано: «Дурной пример родителей», а Саша Григорьев своих родителей в глаза не видел, он — детдомовец, «отказник». Что в том же документе две строчки спустя зафиксировано: «Взаимоотношения между членами семьи: воспитанник детского дома». Как попал Саша в спецшколу, а попросту говоря — в колонию? Он все время бегал из детдома. Почему бегал? Потому что там ему было плохо. За каждый побег Сашу бил директор детдома. Сам, лично. А потом сдали Сашу в спецшколу. Мой будущий фильм — о Саше. «Нарушитель» — так хочу я его озаглавить.

Фильм фильмом, а я хочу разобраться с тем директором детдома. То, что он бьет детей, — это чудовищно, и могу ли я просто снимать про это кино, не вмешиваясь в жизнь?

А в колонии Саше хорошо. Он никуда оттуда, сказал, ни за что не побежит. Я читал в колонии новые характеристики на Сашу. Там жирно выделено: «Нуждается в ласке, отзывчив на ласку».

Одна из воспитательниц мне рассказывала: проходила мимо Саши, она ненароком погладила его по голове, а он хватает ее руку и целует.

Я спрашивал Сашу, были ли в детдоме добрые взрослые? Были, конечно, сказал Саша. Мне было десять лет, сказал Саша, и я потерял зимой варежки, а воспитательница Антонина Сергеевна дала мне свои.

Практически у нас в стране один миллион детей-сирот. Это очень много. Но нас же более двухсот миллионов! И миллион одиноких детей могут (и должны!) быть нашими детьми. Никто нам не мешает зайти в детдом. Этим детям надо много — и немного. Отдать зимой варежки — акт милосердия не ахти какой значимости! Но как же греют душу Саши варежки воспитательницы Антонины Сергеевны!

И тут уместно, мне кажется, сказать о благотворительности. О нашем, в лучшем случае, снисходительном отношении. Мол, это занятие для богатых бездельников. Вообще само понятие благотворительности для нас какое-то пугающе-буржуазное. Но мы забываем, что благотворительностью занимались Лев Толстой и Антон Чехов. И сегодня на Западе очень достойные люди не чураются благотворительности. А нам даже с самим словом трудно смириться. Но суть ведь в деле, а не в слове! Да и что слово? Благое творение! Великие слова. И великая возможность доброго дела.

Человек не бессмертен. А ему хочется быть бессмертным. Путь к бессмертию — доброе дело. Доброе дело не просто аукнется. Оно непременно вознаграждается. Прибавлю души.

Беседу вела
З. ЕРОШОК.